

## КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*П.В. Гурценков*

Цифровое право как институт информационного права появляется вместе с новыми правовыми образованиями: «кибернетическим правом новой реальности», «правом виртуальной реальности», «правом цифровых технологий», «правом искусственного интеллекта», «квантовым, нейронным, когнитивным правом», «роботоправом» и др. [1, с. 96].

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь подчеркивается, что все ее составляющие — политическая, экономическая, научно-техническая, социальная, демографическая, биологическая, информационная, военная, экологическая безопасность, электоральный суверенитет — возможны только с использованием цифровизации. Это — объективная реальность, условие, принцип, процесс и результат. В экономической сфере важное место среди основных государственных интересов занимает развитие именно цифровой экономики и ее технологий [2]. Добиться благоприятного социального результата можно лишь с помощью эффективной инновационной системы правового регулирования, сочетающей традиционные средства и новейшие информационно-коммуникативные технологии (ИКТ).

Проблема цифровизации права — одна из самых востребованных в теории и практике юриспруденции. В научной литературе существуют три основных точки зрения по данному вопросу: 1) процесс объективный, неотвратимый, непрерывный, вытесняющий человека из правовой сферы более чем на 90%; 2) право и цифровизация никогда не соединятся ввиду качественно различных характеристик и целеполагания. Человеческая ментальность, чувства, идеи, нравы, мораль, оценочные понятия не поддаются программированию; 3) право, особенно гражданское, трудовое, административное, уголовное и др. отрасли, нормативные комплексы, нуждаются в «цифровой прививке» и перенастройке [3, с. 89].

Определенность здесь пока отсутствует, как в методологии, так и в теории и практике. Главная задача — не цифровой, электронный, технологический, инновационный рост (его не остановить!), а сохранение человеческой жизни и наполнение ее цивилизованно-духовным содержанием.

По мнению академика РАН Российской Федерации Т.Я. Хабриевой, «тезис о цифровизации права в определенной мере “провокационный”; оно не подвержено существенным трансформациям под воздействием “оцифровки” общественной жизни» [4, с. 173]. Автор считает, что право — это средство, а не объект цифровизации.

Цифровое право всё активнее вторгается в основные сферы общественной жизни: власти, собственности, национальной и экономической безопасности, распределения, юридической ответственности, прав и свобод

граждан. Тот, кто выигрывает это технологическое соревнование, может претендовать на лидерство и процветание. Цифровизация социума требует пересмотра концептуальных подходов к национальной безопасности, ее охране, регулированию, использованию. Значительно возрастает степень личной ответственности (прежде всего руководителя) за принятие решений, осуществление действий, особенно в сфере стратегической безопасности.

С одной стороны, расширяются технологические возможности обеспечения национальной и экономической безопасности государства как социального целого — электронные системы наблюдения, контроля, охраны, обнаружения, оценки поведения людей, видеофиксации, распознавание лиц, определение геолокации, с другой — увеличение опасности и рисков киберпреступлений, рост телефонного мошенничества, направленного на похищение материальных средств, информации, ресурсов, взломы аккаунтов, паролей, создание фейков, вредоносных кодов, вирусов, электронный шпионаж, ведение гибридных войн и т.п. Прогресс активизирует регресс и наоборот. «Экономические пузыри», связанные со спекулятивными финансово-банковскими операциями, вытесняют реальное экономическое производство натуральной продукции, фальсифицируют качество товаров и услуг, создают видимость благополучия и роста, подрывают экономические устои, здоровье, долголетие, деторождение.

Новое цифровое общество нуждается в создании глобального, вселенского метаправа в новой доктрине, юридической меметике, законодательно закрепленной и эффективно реализуемой с помощью электронного правоприменительного механизма.

Дискутируется обоснованность и целесообразность появления новых субъектов права — электронных, квазиправовых лиц, виртуальных личностей, юнит AI, автономного робота, беспилотного автомобиля и самолета, юридической ответственности различных технологических средств, создания специальных страховых фондов для компенсации цифрового экономического ущерба и др. Появляются новые дорогостоящие цифровые объекты собственности. Нематериальное имущество — цифровые активы, интеллектуальная собственность, виртуальная недвижимость, токены, криптовалюта, смарт-контракты, электронные платформы, программное обеспечение, технологии блокчейн, цифровые персональные данные и др. — наращивает свои объемы и значение.

Происходит массовая кибергизация человека, замена, надстраивание его тела, расширение, технизация умственных способностей. Цифровая революция не оставляет шансов на экономическое процветание творчески мыслящих людей. Для того, чтобы эффективно встроиться в новую социальную структуру, необходимо быть мобильным, динамичным, самодостаточным, что предполагает непрерывное совершенствование, развитие, повышение квалификации. Цифровизация «размывает» традиционные понятия экономической стабильности, выгоды, равных возможностей,

либеральной демократии, социальной справедливости, трудовой занятости. Правоведение, как квинтэссенция государства и права, выступает как синергия науки, образования и практики. Правовые проблемы чаще всего порождаются не правовыми, а социальными противоречиями. Поэтому экономический анализ права с точки зрения его прибыльности должен также считаться с нравственными, гуманитарными, демографическими и иными факторами, не противоречащими естественным законам.

Возрастает скорость и вариативность правового воздействия. В зависимости от общественных интересов используется «жесткое» или «мягкое» право. «Жесткое» необходимо в чрезвычайных условиях, «мягкое» — при диспозитивных, демократических, равноправных отношениях. Последнее основывается на инновационной гибкости, дополняющей правовые методы мононорматикой, квазиюрисдикционными регуляторами: направлениями, методиками, директивами, концепциями. Оно требует активнее задействовать правовые принципы (как концентрированные идеи и нормы), общие средства правового влияния (цели, стандарты, ценности, традиции, конструкции, конституционные понятия, аксиомы права), стратегические программы, межотраслевые комплексные образования, программные законы, интегративные кодексы, нормативы договорного саморегулирования и т.д.

Активизируются вопросы шестого технологического уклада, связанные с био-, нанотехнологиями, когнитивными и информационными программами, разработками дополненной реальности, определения ДНК, использования полиграфа, виртуальной и онлайн-связи, робото-руки, экзоскелета, электронного браслета-контролера, беспилотных механизмов. Массовое использование высокотехнологичных средств, БПЛА за четыре года в значительной степени изменило стратегию и тактику ведения современной войны.

Информационные технологии через электронное голосование, электронное обсуждение, электронную демократию, электронное государство оптимизируют процесс управления, однако полностью не защищают от фальсификации. Практически направленный технизированный разум в условиях капитализации и коммерциализации общественных отношений создает благоприятную среду для роста материального благосостояния, комфорта, но одновременно несет опасности духовно-нравственной деградации человека и социума в целом, его моделирования в интересах олигархо- и цифрократии.

Происходящая десоциализация общества атомизирует, «разрывает» на клипы целостное человеческое сознание, замыкает его на корыстных интересах и эгоистических потребностях аморальной личности.

Создаваемые нормативные правовые массивы, к примеру, регулирующие экономическую безопасность, борьбу с экономическими преступлениями, коррупцией, нуждаются не только в автоматической унификации с помощью программ AI, но и доктринальной разработке проблем, включающих экономическую выгоду, создание механизма реализации,

организационное, правоохранительное, психологическое, моральное обеспечение и т.д.

Происходящие глобальные изменения в цифровом правовом пространстве связаны с сужением сферы действия права на бумажном носителе и расширением на электронном. Просматривается тенденция замены правовых норм алгоритмами, искусственно создаваемыми нормами для отдельного случая, которые в случае их гибкости, дифференцированности и диспозитивности, могут быть более эффективными. Для этого код необходимо приравнять к закону. Рост правовой культуры населения, соблюдение принципов законности, справедливости, добросовестности, порядочности, ответственности субъектами права не только в сфере частноправовых, но и публично-правовых отношений будет способствовать формированию саморегулируемой среды, основанной на самоисполнении и технологических решениях.

Создание единой системы правообразования ставит вопрос построения четкой пирамиды форм (источников) права, связывающих на цифровом уровне их содержание, предмет, метод правового регулирования с юридической востребованностью и иерархией. Нуждается в законодательном закреплении электронный вариант нормативного правового акта, наряду с бумажным, как официальный источник права. С целью унификации, единообразия, эффективности применения требуется разработать унифицированную процедуру принятия, исполнения региональных, локальных, ведомственных нормативных правовых актов.

При отправлении правосудия успешно используются цифровые технологии для определения, сбора, фиксации доказательств, обработки информации, поиска нормативных правовых актов, правоприменительной практики, статистики, разъяснений Пленумов Верховного Суда Республики Беларусь. Цифровые технологии «спешат» на помощь «бегущему, вечно опаздывающему» человеку, но заменить его полностью не смогут. Без последнего нельзя обойтись при фактической и правовой квалификации преступлений, назначении наказания, профилактике правонарушений, обучении, воспитании. Необходимо разработать на доктринальном уровне и принять на законодательном нормативный документ использования цифровых технологий в правоохранительной, законодательной, правоприменительной деятельности, при отправлении правосудия. Одновременно с технологиями должен быть воспитан и обучен человеческий капитал, их воспринимающий.

Нужно совершенствовать электронную систему назначения наказания (административно-правовую и гражданско-правовую) за автоматически фиксируемые правонарушения, поддающиеся цифровой обработке. В Республике Беларусь разработана программа определения оптимальной меры уголовного наказания, модель «электронные весы правосудия», в которую заложено 400 алгоритмов [5, с. 21].

Мультидисциплинарный подход способен объединить усилия политиков, экономистов, социологов, математиков, психологов, айтишников,

юристов в рамках консорциумов, кластеров, ядром которых выступают научно-образовательные центры, платформы с целью изучения и перевода социально-экономических законов в юридические.

Существует опасность превращения государства в замкнутую властно-финансовую корпорацию, руководствующуюся целесообразностью, собственными материально-управленческими амбициями, формальным отношением к решению социальных проблем. Это может вызвать массовый кризис, разобщение общества, подрыв национальной безопасности, экономики, распад государственно-правовой системы.

Высокий инновационный уровень развития социальной рыночной экономики, легальность, легитимность, органическое единство народа и власти, правового государства и гражданского общества, развитая духовная культура — условия рентабельности, жизнеспособности государства и права.

Юридизация и цифровизация общественных отношений предполагают и дополняют друг друга. Однако форма не должна подменять содержание. Если структуру, форму можно «одеть» в цифровую, электронную оболочку с использованием AI, то содержание требует максимального включения человека, его рациональных и духовных качеств.

Информационные технологии в состоянии рассчитать прогнозные показатели эффективности принятия нормативных правовых актов, степень их позитивного психологического восприятия населением и предостеречь от необдуманных социальных, политических, экономических и правовых решений. Технологии оптимизируют работу государственного аппарата, делают ее более прозрачной и подконтрольной гражданскому обществу, позволяют активнее бороться с бюрократией и коррупцией, способствуют разработке, внедрению и коммерциализации инноваций, однако одновременно порождают риски, угрозы, проблемы. «Умные» технологии необходимо внедрять через «цифровое» государство и право, «электронное» правительство, законодательство, исполнительную систему, «автоматизированный» город, предприятие, дом, квартиру. «Ум» нуждается в экономических стимулах, инновационном наполнении, дополнении духовностью, нравственностью, красотой, ответственностью, честностью, достоинством, гуманизмом.

Следовательно, тенденции развития права XXI века:

1. Дегуманизация, алгоритмизация, персонализация, натурализация права, усиление цифрового контроля за политикой, экономикой, социальной сферами.

2. Инфляция национального и международного права при потере духовно-нравственных качеств.

3. Переход от права стабильного, надежного, экономически и властно детерминированного, рационального, автономного, предсказуемого к праву субъективированному, нелинейному, вероятностному, нетипичному (по источникам, результатам), рискованному, гибкому, способному к самонастройке, адаптации, самоорганизации.

4. Использование мульти-, трансдисциплинарной методологии познания и моделирования проектов, которое опирается на объективную реальность, социально-экономические закономерности, интересы и потребности народа.

5. Усиление управленческих возможностей юриспруденции не только за счет роста научных, аподектических (достоверных, объективных) знаний, но и ненаучных подходов, основанных на мифологическом, образном сознании, интуиции, инсайте, искусстве, риторике, традициях, церемонии, обрядах, усиливающих восприятие, веру, авторитет, работающих на стабильность, прочность государственно-политической действительности [6].

6. Необходимость предварительной экономической, социальной, психологической, криминологической экспертизы нормативных правовых актов, регулирующих прежде всего властно-экономические отношения на предмет эффективности, результативности, полезности, правомерности.

7. Создание технически совершенных форм (источников) права, связывающих содержание с целостным интегративным, компрехендным правовопониманием.

8. Социализация, гуманизация, демократизация права, усиление взаимодействия правового государства и гражданского общества, где цифровой, производящий, инновационный, ответственный человеческий капитал играет ведущую роль.

9. Интеллектуализация, автоматизация права как условие повышения его правосубъектности за счет роста прав и обязанностей, гибкости, многофункциональности, рационально-технической оснащенности.

10. Совершенствование юридического образования (практиконаправленность, технологии, профессиональные умения и навыки, мировоззренчески гражданско-патриотическая позиция).

11. Использование цифровых сервисов, основанных на ИКТ, компьютерных (виртуальных) симуляторов; объединение юристов и айтишников в хакатоны для эффективного технологического решения социальных проблем (чатботы, мобильные приложения, калькуляторы, роботы), производства инновационного Legal Tech-продукта.

12. Создание макро- и микротеории права цифрового общества, включающей юридические доктрины, законодательное, правоприменительное обеспечение общественной проблематики.

Жизнеспособность государства зависит от технологически развитого экономического ресурса, политической воли консолидированного общества с возрожденными национальными ценностями, прозрачной системой выборов, сильным гражданским потенциалом. Правомерное поведение граждан, их социальная и экономическая активность, политическая стабильность и экономическая безопасность составляют фундамент белорусского социума [7].

Новая цифровая реальность требует реформирования права наиболее значимых сфер государственно-организованного социума, создания

концепции национальной безопасности в электронных условиях. Это не только кардинально измененные средства охраны, обеспечения, слежения, задержания, но и доктринально-психологического обоснования, совершенствования борьбы, профилактики киберпреступности в данном сегменте.

Цифровая революция, с одной стороны, укрепляет, совершенствует национальную безопасность за счет AI, инновационных технологий, синергии науки, образования и практики в рамках единой правовой политики, с другой стороны, увеличивает опасности и риски киберпреступлений, телефонного мошенничества. Средством противодействия выступает эффективный механизм защиты (включая электронный) на республиканском, региональном, местном уровнях, крупных предприятиях и в организациях.

Перспективами применения AI [8, с. 79] являются: юридический анализ (экспертиза документов); нормотворческая деятельность; подготовка договорных контрактов, оценка рисков при заключении договоров и иных юридически значимых действий; судебная практика (претензии, иски, жалобы), составление, анализ исковых заявлений и принятых решений; запросы от государственных органов и ответы; автоматический тип юридических услуг; юридическое сопровождение сделок и др.

Право под влиянием цифровизации меняет свои формы, содержание, механизм формирования и реализации. Но пока отсутствует четкое понимание правовых трансформаций, связанных с использованием цифровых технологий. Одна из насущных задач — их применение в интересах социальных нужд, защиты персональных данных, достоинства человека, пересмотр ценностных ориентаций, обогащение нормативистско-позитивистского подхода духовными, нравственными, культурными критериями оценки действующего, современного права [9, с. 5].

#### Список использованных источников:

1. Полякова, Т.А. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права / Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, Н.В. Кроткова // Государство и право. — 2022. — № 9. — С. 94–104.
2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Решение Всебеларусского народного собрания 25 апреля 2024 г. № 5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 26.04.2024, 1/21360. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005/> (дата обращения: 02.01.2026).
3. Хабриева, Т.Я. Право в условиях цифровой реальности / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 85–102.
4. Хабриева, Т.Я. Право в условиях цифровой реальности / Т.Я. Хабриева // Избранные труды: в 10 т. — М., 2018. — Т. 10: Содержание: Право и экономика. Право и антикоррупционная политика. — 464 с.
5. Савенок, А.Л. Технологии искусственного интеллекта как средство создания уголовного закона / А.Л. Савенок // Право. by. — 2023. — № 5(85). — С. 20–24.
6. Бочков, А.А. Концептуально-методологические основы холистического понимания права в рамках единой юриспруденции // Актуальные проблемы государства и права: сравнительно-методологический аспект: монография / Э.Г. Аниськина [и др.]; под науч. ред. В.С. Елисеева, А.А. Бочкова. — Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. — С. 7–20.

7. Bochkov, A.A. Conceptual and Methodological Foundations of the Development of Modern Law in Belarus and Russia in the Context of Digitalization / A.A. Bochkov, P.V. Gurshchenkov, G.Sh. Bochkova // Право. Экономика. Психология. — 2022. — № 4(28). — С. 3–10.

8. Голенков, В.В. Перспективные направления применения искусственного интеллекта в юридической деятельности: технологические аспекты / В.В. Голенков, Н.А. Гулякина, Д.В. Шункевич // Право.by. — 2023. — № 5(85). — С. 75–83.

9. Хабриева, Т.Я. Технологические императивы современного мира и право / Т.Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2023. — Т. 19, № 1. — С. 5–12.

## **СООТНОШЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РАСТЕНИЕВОДСТВЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

*В.С. Елисеев*

Растениеводство считается главной отраслью сельского хозяйства, включающей в себя возделывание культур, которые удовлетворяют потребности человека в пище, а также производство кормов для животных и сырье для перерабатывающей промышленности. В Доктрине продовольственной безопасности [1], как основном программном документе для аграрной экономики России, 7 основных показателей (из 11) относятся к сельскохозяйственному растениеводству, что подчеркивает важность правового регулирования для данной отрасли.

Один из основоположников российского аграрного права М.И. Козырь, говоря об аграрном (сельскохозяйственном) законодательстве, справедливо отмечал, что «работа по совершенствованию сельскохозяйственного законодательства ведется не столь эффективно, как это требуется. Ощущается необходимость в дальнейшей теоретической разработке актуальных правовых проблем сельского хозяйства и агропромышленного комплекса в целом, в научных рекомендациях и совершенствованию управления и хозяйственного механизма в АПК, в более глубоких исследованиях эффективности сложившейся системы правового регулирования многообразия общественных отношений» [2, с. 13]. Данному вопросу в той или иной степени посвятили свои работы представители аграрно-правовых наук: А.П. Анисимов, С.А. Боголюбов, Г.Е. Быстров, Г.Л. Веденин, Н.О. Ведышева, Н.П. Воронина, Е.А. Галиновская, О.В. Глеба, Н.Г. Жаворонкова, И.О. Краснова, В.Н. Кульнев, Е.Л. Минина, М.И. Палладина, В.В. Устюкова, Г.Г. Файзуллин и др.

Сельскохозяйственное законодательство, двигаясь по принципу «от общего к частному», вместе с тем недостаточно последовательно, имея общий Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» [3], который